

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАНУН ВОЙНЫ 1812—1815 ГГ.

В. В. Яровой

Буржуазными учеными США многое сделано для разработки истории англо-американских отношений начала XIX в. Исследования, и довольно подробно, возникновение и развитие противоречий, приведших в 1812 г. обе страны к войне. И тем не менее, даже несмотря на обилие монографий, брошюр и статей по указанной проблеме, следует констатировать: степень и интенсивность освещения отдельных ее сторон еще неравномерны и недостаточны, чтобы воссоздать достоверную картину и представить всю многоплановость, сложность и своеобразие позиций Лондона и Вашингтона в условиях надвигавшегося вооруженного столкновения. Затяжной характер кризиса отношений не означал его статичности, поскольку был подвержен влиянию колебаний и перемен, происходивших как в социально-экономическом и политическом развитии Великобритании и США, так и в международной обстановке в целом; при сохранении долговременных процессов, отчуждавших обе страны, не исключались и периоды спада напряженности, появления условий для урегулирования спорных вопросов на компромиссной основе.

К числу таких моментов, когда эти условия способствовали некоторому ослаблению противоборства двух стран, относится время, отсчет которого начался с отмены американским конгрессом 1 марта 1809 г. закона об эмбарго. Вступление Дж. Мэдисона в должность президента США ознаменовалось появлением в англо-американских дипломатических связях новой тенденции, характерной не взаимными угрозами, а попытками прежде всего Белого дома при помощи компромиссных предложений выйти из тупика, в котором оказались США, прервав свою внешнюю торговлю. Напряженность англо-американских отношений несколько ослабла. Но летом 1810 г., с началом борьбы народов Латинской Америки за независимость, правительство Дж. Мэдисона открыто заявило о территориальных притязаниях, выдвинуло националистические лозунги, усилило нагнетание антианглийской истерии. Все это, конечно, вело к обострению противоречий с Великобританией.

Целью статьи является попытка определить рубежи, главное содержание и специфику данного отрезка англо-американских отношений. Это необходимо еще и потому, что исследователи истории указанных стран существенно расходятся в его оценке. Так,

по мнению авторов «Кембриджской истории британской внешней политики», с 1809 г. Лондон прилагал немалые усилия, чтобы оттянуть войну с заокеанской республикой¹. В сочинениях же американских ученых получила широкое распространение мысль, впервые высказанная еще в 1812 г. балтиморским издателем Х. Найлзом, будто отмена эмбарго выдвинула перед США единственную альтернативу — обращение к оружию².

Однако историки, трактующие прошлое с позиций «консенсуса», не склонны подчеркивать напряженный характер англо-американских отношений в первое десятилетие XIX в. Так, Б. Перкинс писал, что трения, которые возникали в отношениях между этими странами, вызывались непониманием Лондоном сути политики США. Г. Коулз же утверждал, что в рассматриваемый период французское гонение на американскую нейтральную торговлю было гораздо большим, чем британское³. В советской исторической литературе нет трудов, специально посвященных рассматриваемой проблеме. Отдельные ее аспекты лишь кратко затронуты в работах Н. Н. Болховитинова и В. В. Согрина⁴.

Акт об эмбарго, принятый конгрессом США в декабре 1807 г., со всей очевидностью показал, что экономическая война в Европе (французская континентальная блокада, английские «указы в Совете») не ограничивалась рамками этого континента, а носила глобальный характер, затрагивала интересы государств, далеко отстоявших от него. Эмбарго явилось реакцией США на данную войну, мерой не только оборонительной, призванной оградить имущество и жизнь американских подданных, актом благородного возмущения насилием над национальной честью, но и прикрытой формой активной политики с целью решить назревшие противоречия, в первую очередь с Англией, средствами экономического давления. Т. Джефферсон и его сторонники связывали с эмбарго надежды на ослабление позиций федералистской партии.

Безусловно, Англия почувствовала тяжесть американского акта. Именно под действием эмбарго на Британских островах возник продовольственный кризис, возрос дефицит промышленного

¹ The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783—1919: Vol. 1—3 / Ed. by A. W. Ward, G. P. Gooch. Cambridge, 1923, vol. 1, p. 552.

² The Weekly Register, Containing Political Historical etc. Documents, Essays and Facts, 1812, Oct., vol. 3, N 8, p. 124; Bemis S. F. The Secretaries of State and Their Diplomacy: Vol. 1—10. N. Y., 1927—1929, vol. 3, p. 164; Kaplan L. S. Jefferson and France: An Essay on Politics and Political Ideas. New Haven; London, 1967, p. 128.

³ Perkins B. Prologue to War. England and the United States, 1805—1812. Berkeley; Los Angeles, 1961, p. 222; Coles H. L. The War of 1812. Chicago; London, 1965, p. 12.

⁴ Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений, 1775—1815. М., 1966; Согрин В. В. Джеймс Мэдисон: классовая сущность политики компромисса. — Новая и новейшая история, 1978, № 3. Статья Согрина является первым в советской историографии опытом критической биографии четвертого президента США. Это освобождает нас от необходимости давать развернутую характеристику преемнику Т. Джефферсона.

сырья, что в свою очередь усилило классовую и политическую борьбу. Однако американская мера не привела Англию к катастрофе. Расширив контрабандную торговлю с Европейским континентом, ужесточив грабеж колоний и добившись получения южноамериканского сырья взамен поставок из США, английская буржуазия смогла легче перенести прекращение торговли с океанской республикой.

Эмбарго содействовало ломке в США старых производственных связей и появлению ранее неизвестных, положило начало новому этапу развития национальной промышленности. В то же время акт усилил политическую борьбу в стране, так как, помимо трудностей, которые испытывали под его воздействием торгово-финансовые круги, гораздо большие несчастья пали на фермеров-бедняков и рабочих портовых городов. Недовольство актом распространялось и среди плантаторов-рабовладельцев. Хотя последние были заинтересованы в подрыве экономической базы федерализма, тем не менее весьма тяжело переживали сокращение своих доходов. Поэтому закономерным было появление оппозиции внутри правящего блока. В начале 1809 г., когда со всей определенностью выяснилось, что внешне- и внутриполитические задачи решены лишь частично, конгресс отменил эмбарго.

Акт о прекращении отношений, принятый конгрессом в день отмены эмбарго, запрещал американцам торговать лишь с Англией, Францией и их колониями. Эта мера, по мнению ее сторонников, должна была, во-первых, подтвердить неизменность позиции США в охране своих нейтральных прав и расширении внешних рынков; во-вторых, ослабить вызванные действием эмбарго трудности в экономике и политической жизни страны. Немногие в Капитолии искренне верили в эффективность нового закона, а менее всего считались с ним купцы Новой Англии. Торжественными богослужениями, орудийными салютами и ликующими шествиями отметили они снятие эмбарго и теперь не хотели даже признавать какие-либо стеснения на торговлю с европейскими государствами, в том числе с Великобританией.

Март — начало сезона морской торговли. О том, какой характер она приобрела при новом законодательстве, говорят некоторые показатели экспорта США в 1809 г. Американские поставки в Швецию и Данию превысили уровень 1807 г. втрое и достигли 26% общей стоимости экспортной продукции США⁵. Удивительно быстрое расширение торговли с этими странами объяснялось прежде всего тем, что в их портах американцы обменивали свой груз на английские товары. Оживленными пунктами сходных операций являлись также острова Мадейра, Тенерифе, Амелия, Куба, Св. Варфоломей. Эти факты — примеры скрытой контрабанды. Но были известны случаи ухода американских судов прямо в порты

⁵ Подсчитано по: American State Papers. Documents. Legislative and Executive, of the Congress of the United States, Class 4, Commerce and Navigation. Wash., 1832, vol. 1, p. 721, 815. (Далее: ASP).

Великобритании. За такие «вольности» полагались конфискации судна и штраф в 10 тыс. долл.

Однако и эта мера не пугала экспортеров Северо-Востока США⁶. Российский посланник в Вашингтоне Ф. П. Пален сообщал о почти открытом нарушении указанного закона в большинстве американских приморских городов⁷. Понятно, что такой характер торговли, неподвластной государственному контролю, — свидетельство бессилия акта, его непопулярности, быющей по престижу администрации Мэдисона. И поэтому, когда в апреле 1809 г. британский посланник Д. Эрскин официально выступил с инициативой нормализации отношений между двумя странами, правительство США с готовностью пошло на переговоры.

История так называемого «соглашения Эрскина», завершившего эти переговоры, освещена в англо-американской литературе как некий дипломатический казус, результат нагромождения ошибок, допущенных обеими сторонами, в первую очередь британским посланником и государственным секретарем США. Но, разобравшись-де в этих ошибках, Лондон и Вашингтон расторгли соглашение, к которому в принципе стремились.

Позиция Эрскина на переговорах, считают английские историки, была обусловлена его политической наивностью. Женатый на американке, с юношеской чистотой преданный идее сближения двух народов и обласканный опытными политиками, коими, бесспорно, являлись президент Дж. Мэдисон и министр финансов А. Галлатин, он попал в расставленные сети, а потому настолько широко толковал инструкции Форин оффис, что целиком исказил их смысл⁸.

Американские ученые, отмечая превышение Эрскином своих полномочий, видят первооснову печальной судьбы соглашения в коварстве британской дипломатии, готовой растоптать высокие идеалы внешней политики США. Однако известную долю вины они возлагают и на Р. Смита — государственного секретаря в новом правительстве республиканцев. По их оценке, он — в прошлом весьма посредственный морской министр — отличался прямолинейным и узким мышлением, абсолютно чуждым постижению хитросплетений международных событий. В общем-то Смит не подходил к новой должности, но возглавил внешнеполитическое ведомство благодаря протекции своего брата — влиятельного мэрилендского сенатора, а также требованию бизнесменов Балтимора, поддерживавших Мэдисона, а не других республикан-

⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1809 г., д. 9236, л. 6; ЦГИА СССР, ф. 559, оп. 1, 1810 г., д. 152, л. 26; *Williams J. B. British Commercial Policy and Trade Expansion, 1750—1850. Oxford, 1972, p. 234; Labaree B. W. Patriots and Partisans. The Merchants of Newburyport, 1764—1815. Cambridge, 1962, p. 171.*

⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1810 г., д. 12163, л. 35.

⁸ *Auchinleck G. A. History of War between Great Britain and the United States of America during Years 1812, 1813, 1814. L., 1972, p. 17—18; Smith E. England and America after Independence. Westminster, 1900, p. 143—145.*

ских кандидатов на выборах 1808 г. Президент им уступил, хотя предпочтение отдавал Галлатину⁹.
Однако следует признать, что мотивы подписания этого соглашения диктовались иными, более сложными обстоятельствами.

В декабре 1808 г. британский министр иностранных дел Дж. Каннинг получил от Д. Эрскина серию донесений, в которых сообщалось о росте в США антианглийской пропаганды, о предстоящем обсуждении в конгрессе мероприятий, связанных с подготовкой к войне против Англии, и т. п. А далее было высказано предположение, что с избранием Мэдисона президентом англо-американские отношения могут измениться к лучшему, если Лондон сделает соответствующие шаги¹⁰. В конце января 1809 г. Каннинг ответил двумя письмами-инструкциями: Англия готова отменить январские и ноябрьские указы в той их части, в какой они затрагивают США, но последние должны: урегулировать «Чесапикский инцидент» на условиях, предъявленных американскому правительству Дж. Роузом (эmissар кабинета тори.— В. Я.) в конце 1807 г.; признать «правила 1756 г.»; снять все ограничения на торговлю с Великобританией, сохранив их в отношении Франции и подвластных ей территорий; согласиться с правом Великобритании на захват американских судов, торгующих в портах ее врагов. И наконец, Каннинг извещал о намерении кабинета послать в США своего представителя с целью обсуждения и подписания надлежащего договора¹¹.

Нетрудно заметить, что британские условия отмены «указов в Совете» являлись перечислением всех тех требований, которые выдвигались правительством тори с 1805 г. и были направлены на ликвидацию соперничества США в торговом мореплавании. В инструкциях ничего не говорилось о путях решения проблемы розыска английских дезертиров на американских судах, более других дававшей повод для взаимных обвинений. Таким образом, Каннинг лишь еще раз подтвердил жесткую позицию своего правительства. Принятие Соединенными Штатами данных условий означало бы серьезную уступку с их стороны. Да и сам глава британского МИД вряд ли надеялся, что предложенное им станет основой для переговоров. Его инструкции служили иной цели.

Составленные после получения из-за океана донесения о результатах президентских выборов и массовом недовольстве зако-

⁹ *Beirne F. F. The War of 1812. N. Y., 1949, p. 47—49; Brant I. The Fourth President: A Life of James Madison. L., 1969, p. 433; Cassell F. A. Merchant Congressman in the Young Republic. Samuel Smith of Maryland, 1752—1839. Madison, 1971, p. 145—147; Carr A. Z. The Coming of War. N. Y., 1960, p. 264—271.*

¹⁰ *The Parliamentary Debates from the Year 1803 to the Present Time. L., 1811, vol. 17, p. CXXI. Далее: PD); The American Historical Review, 1911, vol. 17, N 2, p. 343; Carr A. Z. Op. cit., p. 264.*

¹¹ *Instructions to the British Ministers to the United States, 1792—1812 / Ed. by B. Mayo.— The Annual Report of the American Historical Association for the Year 1936. Wash., 1941, vol. 3, p. 261—266; Robert Smith's Address to the People of the United States. Baltimore, 1811, p. 6—7. Экземпляр этого памфлета см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1811 г., д. 12165.*

ном об эмбарго, они должны были содействовать развитию оппозиционного движения и тем самым помешать прохождению в конгрессе военных биллей, а в целом усилить дестабилизацию политического положения внутри США. Таким образом, инструкции находились в русле тех же политических задач, которые английские официальные власти хотели решить, например, открывая американским контрабандистам свободный доступ в порты Канады, охраняя их суда в плавании через Атлантику. Не случайно, до того как направить инструкции Эрскину, Каннинг сообщил американскому посланнику в Лондоне У. Пинкни о желании своего правительства урегулировать споры с США и перечислил условия, на которых Англия готова отменить «указы в Совете». Министр резонно полагал, что Пинкни известит о содержании беседы не только государственного секретаря, но и друзей по федералистской партии.

Эрскин получил инструкции в начале марта 1809 г., когда в США эмбарго было заменено актом о прекращении отношений и Мэдисон вступил в должность президента. Посланник на себе ощутил чувство несомненного облегчения, царившего в американской столице. Из доверительных бесед с людьми, близкими к новой администрации, он вынес впечатление, якобы политика США в отношении Англии приобретает более спокойный характер и даже возникают условия для дружественного урегулирования взаимных претензий. К тому же британский посланник видел, что американское купечество доставляет множество неприятностей Вашингтону, не только резко нападая на новый акт о внешней торговле, но и легко его нарушая. Вместе с торговцами Северо-Востока Эрскин считал немыслимым активный выход США на мировые рынки без сотрудничества с Англией. По его мнению, благоприятный момент для начала переговоров наступил.

Действительно, Смит не скрыл радости, ознакомившись с предложением Эрскина договориться о снятии взаимных ограничений на торговлю. Объяснялось это далеко не личными симпатиями Смита к Англии. Правительство США шло на переговоры, подталкиваемое внутренними неурядицами и уверенное в том, что и Лондон вынужден сделать шаг навстречу. Американские государственные деятели внимательно следили за британской прессой, и не только официозной. В ней открыто сообщалось об острой нехватке продовольствия, особенно хлеба, из-за недорода в минувшем году. Например, при чтении «Фармерс мэгэзин» напрашивался вывод: если не запастись американской пшеницей, нехватка хлеба в Англии очень скоро станет источником социальных конфликтов¹². Обращала на себя внимание жалоба британских суконщиков: «Вследствие унылого положения дел в Испании возникает угроза полного прекращения импорта шерсти из этой страны»¹³. Любопытные строки: за ними угадывались новые

¹² The Farmer's Magazine, 1809, Mar., vol. 10, N 37, p. 112, 118.

¹³ Ibid., p. 114.

перебой в текстильной промышленности и, что особенно важно, очевидное ухудшение внешнеторговых позиций Англии.

В конце 1808 г. положение англичан на Пиренейском полуострове было неустойчивым. Хотя народное восстание против французских захватчиков летом того года приняло всеобщий характер и на его гребне английские войска провели несколько крупных наступательных операций, добиться окончательного перелома они не смогли. Конечно, здесь сказались и разобщенность выступлений испанских патриотов, и отсутствие взаимодействия между ними и британским экспедиционным корпусом (причиной чему в немалой степени, как писал русский путешественник В. П. Боткин, явилось неверие Веллингтона в народные силы и презрение к ним¹⁴). Во всяком случае французы сумели перейти к обороне. А 4 ноября Наполеон, возглавив руководство войной, со 150-тысячной армией вторгся в Испанию. Быстро разгромив регулярные испанские войска, он сильно потрепал и англичан. В январе 1809 г. Н. Сульт нанес поражение армии генерала Мура и занял португальский город Оporto. Итоги кампании зимы 1808/09 г. Лондон оценил как неутешительные. Территория французской оккупации охватила почти всю Испанию. Кроме Кадиса, все города — в руках французов. Англичане не сбросили в море только благодаря движению герильерос, на борьбу с которым отвлекалась большая часть наполеоновских войск¹⁵.

В США строили свои прогнозы с учетом военно-политических событий на Пиренейском полуострове. «Если, как ожидается, Бонапарт добьется успеха в Испании, — писал Джефферсон в конце января 1809 г., — это заставит обе державы (Англию и Францию. — В. Я.) быть с нами более сговорчивыми». Испанские колониальные власти в Западном полушарии станут теперь ориентироваться на Францию, и последняя, чтобы удержать США в нейтральной позиции, уступит многим претензиям Вашингтона, в том числе его иску на обе Флориды и Кубу. Англия, лишившись свободы действий в Латинской Америке, поймет наконец, что США — единственный рынок ее промышленной продукции, и отменит указы. В письме Мэдисону 19 апреля Джефферсон рассматривал предложение Эрскина о переговорах именно в свете «недавних перемен к худшему в Испании»¹⁶.

В начале апреля 1809 г. открылись англо-американские переговоры. Стороны быстро уладили «Чесапикское дело». Англия обязалась выплатить пособия семьям моряков, погибших на борту американского фрегата от английских ядер, возместить нанесенный ущерб, освободить снятых с него подданных США, подтвердить дезавуацию действий адмирала Дж. Беркли. В свою очередь

¹⁴ Боткин В. П. Письма об Испании. Л., 1976, с. 240.

¹⁵ Майский И. М. Испания, 1808—1917: Ист. очерк. М., 1957, с. 54—60; Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1971, с. 556—588.

¹⁶ The Works of Thomas Jefferson: Vol. 1—12 / Ed. by P. L. Ford. N. Y., 1904—1905, vol. 11, p. 95, 206.

США отказывались от требования суда над ним и снимали запрет на вход британским военным кораблям в американские порты.

Обсудив вопрос о торговле, стороны договорились отменить все взаимные ограничения, сохраняя их в силе против Франции и ее колоний. Что касается «правил 1756 г.», то было признано возможным данный вопрос в текст соглашения не включать, поскольку уже самый отказ США от торговли с Францией подразумевал выполнение ими этих «правил». Кроме того, после некоторых споров американская сторона согласилась с правом Великобритании на захват тех торговых судов США, которые заходят в порты Франции и ее владений¹⁷.

Без сомнения, соглашение носило компромиссный характер. В нем не получили четкого подтверждения «правила 1756 г.», не решалась проблема так называемой «насиловственной вербовки», не было ясности в условиях торговли США с английскими колониями, например в Вест-Индии (урегулировать последний вопрос Вашингтон хотел особым договором)¹⁸, т. е. фактически остались несогласованными вопросы, которые на протяжении ряда лет каждой стороной считались принципиальными. Понимая это, Эрскин рассматривал выработанное соглашение в качестве предварительного шага к подписанию обеими странами всеобъемлющего договора.

В ноте госдепартаменту 18 апреля он подчеркнул, что ради содействия такому договору его правительство готово отменить «указы в Совете» в той их части, где они относятся к США, если, конечно, и президент Мэдисон объявит о возобновлении торговых связей с Великобританией¹⁹. От имени президента Смит тотчас выразил Эрскину удовлетворение по поводу намечавшегося заключения генерального договора между двумя странами и заявил о готовности Мэдисона отменить ограничения на торговлю с Великобританией. На следующий день английский посланник и американский государственный секретарь обменялись нотами, где говорилось о решении сторон с 10 июня 1809 г. снять взаимные торговые преграды²⁰. Вашингтонская газета «Нэшнл интеллидженсер» опубликовала 20 апреля тексты нот Эрскина и прокламацию Мэдисона.

Решение США открыть торговлю с Англией, не настаивая на немедленном урегулировании наиболее сложных разногласий, свидетельствовало о том, что американские правящие круги явно не принимали всерьез народного движения в Испании, не понимали его характера и делали ставку на силу французского оружия. Это решение отразило и надежду администрации Мэдисона ослабить политическую напряженность внутри страны — еще один шаг к примирению с оппозицией. Недаром федералистская «Ге-

¹⁷ Carr A. Z. Op. cit., p. 265—267; Smith E. Op. cit., p. 143—145.

¹⁸ The Writings of Albert Gallatin: Vol. 1—3 / Ed. by H. Adams. Philadelphia. 1879, vol. 1, p. 460.

¹⁹ ASP, Class 1, Foreign Relations, vol. 3, p. 296.

²⁰ Ibid.

ральд» писала в те дни: «Благодаря Мэдисону, надо полагать, раны, нанесенные нашей стране огнем партийной борьбы, могут быть залечены»²¹.

Купцы портовых городов США были готовы к открытию легальной торговли с Англией. Поток американских грузов оказался настолько мощным, что в Лондонском порту не успевали их принимать. За одну неделю г. Ливерпуль получил хлопка больше, чем за весь 1807 г. Как надеялся «Фармерс мэгэзин», крупные поставки зерна из США обещали ослабить продовольственную проблему в Великобритании и содействовать снижению цен на хлеб²². (Редактор журнала не ставил вопрос, обрадуются ли этой тенденции английские лендлорды и судовладельцы?)

Но в Лондоне, как и следовало ожидать, отнеслись к «соглашению Эрскина» иначе. Канцлер казначейства С. Персиваль и Дж. Каннинг пришли в ярость: британский посланник не проявил твердости, предписанной инструкциями, и сделал уступки, кои должны последовать только от США. Главное, конечно,— это то, что он не понял, с какой целью и когда эти инструкции были ему посланы. Тори отказывались учесть даже предварительный характер соглашения, что могло бы стать — пожелай они того — мостиком для дальнейших переговоров. Уже сам факт принятия конгрессом США акта 1 марта, существенные и скорые уступки Вашингтона, отмеченные в «соглашении Эрскина», являлись для тори подтверждением правильности занятой ими позиции.

Однако Лондон учитывал и другие обстоятельства. К моменту получения из США этого документа военно-политическая обстановка в Европе круто изменилась. Французские войска не сумели удержать инициативу на Пиренейском полуострове. Испанские патриоты приобретали опыт взаимодействия с британскими частями. Оккупационная армия французов лишь с трудом могла контролировать положение в занимаемых ею районах. В это же время за оружие взялась Австрия и начала войну весьма успешно: например, в исходе сражения при Эсслинге (21—23 мая) не было ясно, кто же победитель. Наполеону потребовалась мобилизация всех материальных и людских ресурсов, чтобы обеспечить решающий перелом в ходе кампании. Вместе с тем крупные воинские части французов отвлекались на подавление национально-демократических выступлений в Италии, Тироле, на севере Германии.

В совокупности эти события означали, что силы Франции перенапряжены и рассеяны. Потому, в какой бы части Европы ни возникали очаги сопротивления французскому диктату, все они казались Лондону предвестниками успеха и тотчас использо-

²¹ Цит. по: Labaree B. W. Op. cit., p. 169.

²² Auchinleck G. A. Op. cit., p. 18—19; Carr A. Z. Op. cit., p. 267—268; Clavder A. C. American Commerce as Affected by the Wars of the French Revolution and Napoleon, 1793—1812. Philadelphia, 1932, p. 151; Heckscher E. F. The Continental System: An Economic Interpretation. Oxford, 1922, p. 138; The Farmer's Magazine, 1809, June, vol. 10, N 38, p. 271.

вались им для попытки развалить континентальную блокаду, расширить контрабандную торговлю и упрочить английскую колониальную гегемонию. Правительство тори поддалось искушению нанести Франции такой удар, который поставил бы ее на грань катастрофы.

С конца мая в Англии началась подготовка к экспедиции в устье реки Шельды и далее на Антверпен. Официальная мотивировка гласила: уничтожение арсеналов, верфей и 20 линейных кораблей неприятеля, якобы предназначенных для набегов на Британские острова. В действительности ставилась более значительная задача, совпадавшая с наступлением армии А. Уэлсли и повстанцев против отборных французских войск в Испании, а также с решимостью австрийского эрцгерцога Карла продолжать борьбу с Наполеоном; операция, замышляемая Лондоном, в случае успеха должна была привести к общей победе Англии над противником. Замолчала бы и вигская оппозиция, неизмеримо возрос бы авторитет тори.

Правительство готовило самую крупную армию, которая когда-либо покидала метрополию. Парламент вотировал 15 млн. ф. ст. (17% всех государственных расходов в 1809 г.). Экипировались и вооружались 39 тыс. пехотинцев и 37 тыс. моряков. Для морского патрулирования и доставки войск было собрано 245 боевых кораблей и около 400 транспортных. Размах подготовки и сопровождавший ее энтузиазм даже породили слухи, что армия двинет по крайней мере на Париж²³.

В этих условиях, когда дела Наполеона шли из рук вон плохо, правительство тори, конечно, не хотело вступать ни в какие соглашения с Мэдисоном. Британскому посланнику ставили в вину грубое нарушение инструкций, послабление американцам из-за его принадлежности к партии вигов и молодость лет. Через газеты было официально заявлено об отказе кабинета признать соглашение и отзыве Эрскина из США²⁴. Единственное, что обещал кабинет, — не преследовать американские торговые суда, вышедшие из США до момента, когда о данном решении станет известно в Вашингтоне.

Американская столица узнала о нем в последние дни июля. Федералисты, теряясь в догадках, помалкивали. Но с какой горечью высказывались республиканцы насчет «исконно британ-

²³ *Clair S.* A Soldier's Recollections of the West Indies and America, with a Narrative of the Expedition to the Island of Walcheren: Vol. 1, 2. L., 1834, vol. 2, p. 260, 282; *PD*, vol. 16, p. 4, 48, 78, 109; *Bonaparte L.* Historical Documents and Reflections on the Government of Holland: Vol. 1—3. L., 1820, vol. 3, p. 141—142; *James W.* The Naval History of Great Britain, from Declaration of War by France in 1793 to the Accession of George IV: Vol. 1—6. L., 1837, vol. 5, p. 132.

²⁴ *PD*, vol. 15, p. 226, 314; vol. 16, p. 1041; The Bath Archives. A Further Selections from the Diaries and Letters of Sir George Jackson, from 1809 to 1816/Ed. by Lady Jackson. L., 1873, vol. 1, p. 27; The Gentleman's Magazine. 1810, Febr., vol. 80, pt 1, p. 163; Mr. R. Yorke's Weekly Political Review, 1809, Aug., vol. 7, N 8, p. 129—130.

ской» подлости! Вспомнили о недоумке-короле, о беспринципных правителях, которые обратились ко лжи, чтобы американским хлебом накормить голодных, об алчных лондонских набобах, не брезгавших контрабандными приемами ради удушения честной торговли США. Однако делать было нечего. Мэдисон выпустил прокламацию о восстановлении с 9 августа 1809 г. в полном объеме действия мартовского акта конгресса²⁵.

Таким образом, первые шаги новой администрации по пути компромисса ознаменовались крупной внешнеполитической неудачей.

О том, как мало восстановленный акт затрагивал интересы Великобритании и сколь недостаточно он содействовал выходу США на мировые рынки, говорят данные об английской и американской внешней торговле за 1809 г.

В этом году по сравнению с 1806, заблокированным годом общий английский экспорт увеличился на 24,5%, достигнув рекордного уровня — 66 млн. ф. ст. Причем поставки на Европейский континент возросли на 54,8%, а в Западное полушарие (исключая США) еще больше — на 67,7% (19,8 млн. ф. ст.). И это несмотря на резкое падение ввоза в США на 42%²⁶. Столь благоприятные показатели были получены за счет расширения рынков сбыта на Пиренейском полуострове, в Южной Америке и Вест-Индии. В марте 1810 г. российский поверенный в делах А. Я. Дашков писал, что «на американском архипелаге не осталось почти никакого значущего острова, который бы не находился под властью англичан»²⁷. Следует упомянуть и об успехах британских купцов в контрабандной торговле с заокеанской республикой.

Характерной чертой стало широкое применение в 1809 г. обеими враждующими сторонами так называемой «системы лицензий». Торговля по лицензиям началась еще в 1793 г., но велась эпизодически, не играя заметной роли. (В Англии и Франции судно, получившему лицензию, разрешалось выйти в море под чужим флагом, плавать в любых водах и возвращаться без помех со стороны военных кораблей государства, выдавшего лицензию²⁸.) К этому способу товарообмена, являвшемуся по сути дела отходом от строгих указов и декретов и узаконенной контрабандой, их толкали фискальные интересы, нехватка сырья, трудности сбыта промышленных товаров. Е. В. Тарле отмечал, что на основании лицензий из французских портов (до ноября 1809 г.) вышло около 150 кораблей. Согласно материалам «Эдинбург ревью» и

²⁵ The Writings of Albert Gallatin, vol. 1, p. 455; Jefferson's Letters / Arr. by W. Whitman. Eue Claire (Wis.), s. a., p. 256.

²⁶ The Weekly Register, 1812, July, vol. 2, N 46, p. 326.

²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1810 г., д. 9238, л. 33, 34. См. также: Там же, д. 12161, л. 23.

²⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. I. 1801—1815 гг. / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М., 1965, т. 5, с. 514.

«Джентльменс мэгэзин», в 1809 г. правительство тори выдало британским экспортерам более 4 тыс. лицензий²⁹.

В 1807—1809 гг. импорт в Англию зерновых (пшеницы, ржи и овса) увеличился на 34,3% (с 1,25 млн. квартеров до 1,68 млн.). В это же время их ввоз из США сократился на 31,4%. Общий рост импортных поставок стал возможен за счет удвоения вывоза из Ирландии (иными словами, усиления колониального грабежа) и получения большего количества хлеба по лицензиям из Голландии, Германии, России и Франции.

Заслуживает внимания факт выдачи английским правительством 12,4 тыс. лицензий на ввоз пшеницы из стран, находившихся под французским контролем. Подобное произошло из-за того, что на континенте, особенно во Франции, в последние три года был собран хороший урожай пшеницы, а в 1809 г. он оказался просто великолепным. У французских оптовиков скопились огромные излишки зерна. Цены на него начали падать. Наполеон был вынужден ослабить ограничения на экспорт пшеницы неприятелю. И если в 1807 г. США занимали первое место в английском импорте зерновых, то теперь американцев потеснила Голландия³⁰. Следует заметить, что увеличение поставок хлеба с континента не уменьшило тяжести продовольственного кризиса в Англии. Цены не снизились, ибо привозной хлеб был таким же дорогим, как и местный: сказывались непомерно высокие страховки и налог на зерно в странах-отправителях (а это соответствовало интересам лендлордов). Народные массы по-прежнему голодали.

Не испытывала Англия недостатка и в хлопке-сырце. В 1809 г. она получила его на 24% больше, чем в 1807 г., — главным образом из Бразилии, Ост-Индии и захваченных ею вест-индских островов³¹. Приведенные цифры показывают уменьшение зависимости Англии от американского хлеба и хлопка, ее ориентацию не европейские и южноамериканские источники снабжения.

США теряли ведущую роль и в британской торговле с Новым Светом: в 1807 г. на их долю приходилось 51,5% английского экспорта, в 1809 г. — лишь 27,2%³².

Такое положение весьма радовало британских судостроителей и владельцев купеческих кораблей, финансовых и торговых домов, связанных с колониями: наблюдались и реальное ослабление конкуренции торгового мореплавания США, и активизация сельскохозяйственного производства в Канаде и Вест-Индии, которые стимулировали укрепление внутриимперских экономических отношений. Не случайно газета Р. Йорка призвала английские деловые круги не бояться полного прекращения всяких контактов с

²⁹ *Тарле Е. В.* Континентальная блокада. — Соч. М., 1958, т. 3, с. 223—224; *The Edinburgh Review of Critical Journal*, 1812, vol. 20, N 39, p. 238; *The Gentleman's Magazine*, 1812, Apr., vol. 82, p. 372.

³⁰ *Galpin W. F.* Grain Supply of England during Napoleonic Period. N. Y., 1925, p. 168, 237, 238—256.

³¹ *Edwards M. M.* The Growth of the British Cotton Trade, 1780—1815. Manchester, 1967, p. 251.

³² *The Weekly Register*, 1812, July, vol. 2, N 46, p. 326.

заокеанской республикой, пока во главе ее находится нынешнее правительство ³³.

В совершенно иных условиях оказалась американская экспортная торговля. Показатели вывоза США в 1809 г., составив 48% уровня 1807 г., глубоко разочаровали экспортеров отечественного сельскохозяйственного сырья, продовольствия и лесоматериалов, намечавших с отменой эмбарго быстрое расширение торговли с Южной Америкой, Вест-Индией и Европой (исключая, конечно, Англию и Францию). Заметим, что общая стоимость вывоза в Южную Америку и Вест-Индию упала на 65,3%, а в Испанию, Португалию, Гавайские города и Голландию (вместе взятые) — на 41%. Оставались низкими показатели вывоза продукции отечественного производства. Так, с 1807 по 1809 г. экспорт мясопродуктов сократился на 62%, пшеницы и муки — 45, хлопка — 40,2, табака — 31,5, лесоматериалов — на 30%.

Характерно, что самый низкий уровень вывоза обнаружен в штатах Джорджия и Южная Каролина (падение на 71 и 60% соответственно). В американской статистике нет данных об экспортной торговле Теннесси и Кентукки, но, видимо, их показатели те же, ибо сокращение суммы экспорта на Юге и Западе США было гораздо значительнее, чем в среднем по стране ³⁴. Добавим, что неудовлетворенность состоянием торговли испытывали не только экспортеры, но и судовладельцы восточных районов США: доходы от морских грузоперевозок составили 62,2% уровня 1807 г. ³⁵ Таким образом, все эти цифры показывают, что акт конгресса от 1 марта 1809 г. не способствовал восстановлению былого процветания внешней торговли США.

Между тем поведение нового британского посланника в Вашингтоне Фрэнсиса Джексона не говорило о каком-либо желании правительства тории вывести англо-американские отношения из тупика. Факт замены Эрскина именно Джексоном многими республиканцами расценивался как унижение США. Джексон — опытный дипломат, принимавший участие в заключении Амьенского мира, получил печальную известность предъявлением в сентябре 1807 г. ультиматума датскому правительству накануне бомбардировки Копенгагена английским флотом, за что получил имя «Фрэнсис Копенгагенский». Еще в 1802 г. посланник США в Лондоне Р. Кинг сообщал, что Джексон — человек «самоуверенный, тщеславный и нетерпимый». Недаром республиканские газеты отметили факт его прибытия в США (август 1809 г.) протестующими статьями. Однако Мэдисон принял верительные грамоты Джексона, опасаясь разрыва отношений с Лондоном ³⁶.

³³ Mr. R. Yorke's Weekly Political Review, 1809, Mar., vol. 6, N 10, p. 189—191; Apr., N 16, p. 30; Dec., vol. 7, N 26, p. 456.

³⁴ Подсчитано по: ASP, Class 4. Commerce and Navigation, vol. 1, p. 721—723, 815—817; Class 3. Finance, vol. 2, p. 551—552.

³⁵ Trends in the American Economy in the Nineteenth Century. Princeton, 1960, p. 595.

³⁶ The Writings of Albert Gallatin, vol. 1, p. 458; White P. C. T. A Nation on Trial: America and the War of 1812. N. Y., 1965, p. 63.

Главным в своей деятельности посланник считал демонстрацию абсолютного нежелания Лондона идти на какие-либо уступки США. В письмах брату он сообщал о твердом намерении искоренить тот вред, который нанес престижу Англии «величайший глупец и тупица» Эрскин, «приучив» американцев хулить ее политику, высказываться о ней в самых пренебрежительных и воинственных тонах³⁷. И сэр Фрэнсис подчеркивал это даже собственной надменностью, вышколенностью привезенных из Англии слуг: лакеев, повара, кучера. Его титулованная жена-немка не скрывала презрения к миссис Мэдисон, узнав, что та в юности прислуживала посетителям отцовской таверны³⁸. Не случайно, как заметил Галлатин, беседы Джексона с государственным секретарем были малоприятны³⁹. Посланник держался так холодно и недоступно, словно давал незадачливому ученику уроки по искусству дипломатии. Он не стал объяснять причины дезавуации Лондоном «соглашения Эрскина», упомянув лишь, что его предшественник искажил инструкции Каннинга. Джексон предупредил Смита, что не уполномочен вести официальные переговоры, а ждет только новых предложений от правительства США (иными словами, ждет новых уступок, ничего конкретного не обещая взамен)⁴⁰.

В президентском окружении были вынуждены терпеть жесткий тон английского дипломата, полагая, что дело непременно сдвинется с места, как только из Парижа поступят известия о результатах торговых переговоров посланника Дж. Армстронга с французским кабинетом. Высказывалась надежда и на ухудшение британских позиций в Европе после Ваграма: с распадом четвертой антифранцузской коалиции можно было не сомневаться, что Джексон получит инструкции более примирительного характера⁴¹. Руководствуясь этими соображениями, Мэдисон продолжал настаивать на признании Лондоном «соглашения Эрскина». Но 23 октября и 4 ноября Джексон написал Смиту два письма, в которых обвинял государственного секретаря в подписании упомянутого соглашения, хотя тот наперед знал об отсутствии у Эрскина надлежащих инструкций. Смит прервал переговоры.

13 ноября британский посланник затребовал паспорта и выехал в Нью-Йорк, сообщив, что в Вашингтоне ему делать нечего. «Мэдисон теперь упрям, как осел», — писал Джексон брату⁴². Столь оскорбительное поведение говорило о стремлении посланника заставить американских официальных лиц пойти на односторонние уступки. В тот же день Джексон направил британским консулам в США циркулярное письмо, с содержанием которого была ознакомлена и федералистская пресса. В письме утверждалось, что

³⁷ The Bath Archives, vol. 1, p. 25—28.

³⁸ Ibid., p. 20; *Beirne F. F. Op. cit.*, p. 49.

³⁹ The Writings of Albert Gallatin, vol. 1, p. 462.

⁴⁰ *Carr A. Z. Op. cit.*, p. 270—271.

⁴¹ The Writings of Albert Gallatin, vol. 1, p. 462.

⁴² The Bath Archives, vol. 1, p. 28.

администрация Мэдисона несет всю ответственность за плохие отношения между двумя странами и, следовательно, за отъезд миссии из Вашингтона⁴³.

Сторонники правящей партии осудили явно провокационное поведение Джексона. По настоянию республиканского большинства 12 января 1810 г. конгресс принял резолюцию, которая справедливо назвала циркуляр «коварной попыткой возбудить в американском народе сомнение в правильности действий своего правительства... вызвать недовольство и раскол среди населения». Резолюция требовала высылки иностранного посланника из страны⁴⁴.

Этот дипломатический инцидент привел к новому обострению политической борьбы в США. Правящая партия поддержала президента, видя в поступке Джексона оскорбительное вмешательство во внутренние дела республики.

Федералистский бомонд отнесся к Джексону совершенно иначе. Используя удобный случай насолить администрации, торговцы Балтимора, Нью-Йорка, Филадельфии и Бостона приглашали посланника навестить их на всем пути следования его домой. А тот принимал приглашения с удовольствием. Поездка по этим городам, освещаемая оппозиционными газетами как событие выдающееся, растянулась более чем на полгода. Парады, обеды с пением «Боже, храни короля» в честь британского аристократа и тосты за Англию — «последнюю надежду мира» — все это являлось вызовом федералистов курсу Мэдисона, их реакцией на слабое развитие американской внешней торговли, требованием безоговорочного сближения с Великобританией⁴⁵.

Правительству США стало ясно и другое: образ действий посланника не противоречил официальной линии Лондона. Очевидным доказательством тому были слова, высказанные главой британского МИД в ответ на требование американского посланника У. Пинкни отозвать Джексона из США. Р. Уэлсли сообщил о своем согласии пойти навстречу в этом деле, но в то же время отказался квалифицировать поведение Джексона как «наносящее преднамеренное оскорбление правительству США». Поэтому-де король и выражал доверие посланнику, «честность, усердие и способности которого давно проявились на службе»⁴⁶.

Жесткая линия Лондона не претерпела никаких изменений, хотя международные позиции Англии в конце 1809 г. — а в Вашингтоне это видели — существенно ухудшились. Достаточно лишь упомянуть о разгроме австрийской армии у Ваграма и

⁴³ Annals of Congress, 11th Congress, 2nd Session. Wash., 1853, p. 2123—2124. (Далее: АС); Mr. R. Yorke's, Weekly Political Review, 1809, Dec., vol. 7, N 26, p. 472—473.

⁴⁴ The Public Statutes at Large of the United States of America. Boston, 1853, vol. 2, p. 612.

⁴⁵ АС, 11th Congress, 3rd Session, p. 956; Seaburg C., Paterson S. Merchant Prince of Boston. Colonel T. H. Perkins, 1764—1854. Cambridge, 1971, p. 217.

⁴⁶ Mr. R. Yorke's Weekly Political Review, 1810, June, vol. 8, pt 1, N 26, p. 505.

катастрофе английской экспедиции в Голландии. (Из-за неподготовленности, просчета в оценке сил противника и бездарности командования основные части не сумели продвинуться дальше устья реки Шельды, застряв в болотах о-ва Валхерен.) Такой печальный итог привел страну к правительственному кризису. В сентябре 1809 г. тори сформировали новый кабинет во главе с Персивалем.

Не вселяли оптимизма в Вашингтоне и вести из Парижа. Усилия Армстронга склонить французского министра иностранных дел к урегулированию торговых отношений между двумя странами оказались бесплодными. Американского посланника фактически водили за нос. С одной стороны, Ж.-Б. Шампаньи намекал о желании императора открыть торговлю с заокеанской республикой — вопрос лишь в том, как ликвидировать английское вмешательство в эту торговлю⁴⁷ (а придворные круги всячески подчеркивали «основанную на традиции естественность» борьбы Франции и США против общего врага⁴⁸), но, с другой — Наполеон и Шампаньи не забывали давать указания о конфискации американских судов, входивших в порты Франции и ее вассалов⁴⁹. Американский консул в Бордо У. Ли объяснял такую «беспринципность» Наполеона влиянием на него некоторых недружественно настроенных к США министров и был даже склонен думать, что сам император, не придавая серьезного значения американской торговле и часто находясь под впечатлением момента, принимал решения «непродуманные и безответственные»⁵⁰.

21 декабря 1809 г. Наполеон как будто даровал привилегии американцам, постановив: всякое судно США, не осмотренное англичанами и не побывавшее в Англии, «будет хорошо принято во французских портах». На самом деле США никаких привилегий не получали, поскольку это заявление было просто напоминанием требований Миланского декрета. «Привилегией» здесь являлись уточняющие слова «американское судно». Французский император не намеревался идти навстречу США, считая коммерцию нейтральных стран лазейкой для проникновения английских товаров на Европейский континент⁵¹. Во всяком случае некоторым утешением Вашингтону было хотя бы то, что Наполеон на словах не отказывался от продолжения торговых переговоров с США и не вел себя так непримиримо, как это делали британские тори. В начале декабря 1809 г. Галлатин констатировал: при нынешних обстоятельствах акт о прекращении отношений «неэффективен и в целом непригоден»⁵². Где же выход?

⁴⁷ A Yankee Jeffersonian. Selected from the Diary and Letters of William See of Massachusetts Written from 1796 to 1840 / Ed. by M. L. Mann. Cambridge, 1958, p. 103.

⁴⁸ На банкете в Париже по поводу Дня независимости США. См.: Mr. R. Yorke's Weekly Political Review, 1809, Dec., vol. 7, N 26, p. 451—453.

⁴⁹ Bonaparte L. Op. cit., p. 235, 245; Тарле Е. В. Указ. соч., с. 201.

⁵⁰ A Yankee Jeffersonian, p. 107—110.

⁵¹ Тарле Е. В. Указ. соч., с. 330.

⁵² Цит. по: Carr A. Z. Op. cit., p. 276.

Весной 1810 г. данный вопрос стал главной темой дискуссий в конгрессе. 19 декабря 1809 г. председатель комиссии по иностранным делам нижней палаты Н. Мэкон (штат Северная Каролина) предложил билль: торговлю с Англией и Францией открыть, но товары перевозить исключительно на американских судах⁵³. Идея Мэкона была ясна: США «сохраняют лицо» в борьбе за свои нейтральные права, одновременно достигаются ослабление партийных разногласий, прекращение контрабанды и увеличение пошлинных сборов. Важно отметить и другую сторону, отражавшую специфические интересы плантаторов Юга. Издателю газеты «Минерва» Мэкон писал: «...преимущества этого билля — для Северной Каролины особенно — в открытии торговых связей с Вест-Индией, где большинство наших товаров найдет рынок»⁵⁴. И хотя федералисты высказались против билля (Англия окажется в менее благоприятных условиях, чем Франция), палата представителей большинством в 21 голос одобрила его. Однако в сенате, где с оппозицией блокировалась группа С. Смита, люто ненавидевшая А. Галлатина за его якобы гипнотическое влияние на президента, законопроект оброс такими поправками (свободная торговля, повышается лишь таможенный барьер), что вовсе утратил первоначальный вид и в результате был отклонен конгрессменами⁵⁵.

В ходе начавшейся дискуссии было предложено несколько вариантов выхода из тупика. Виргинцы Дж. Эппс, Т. Голсон и Дж. Лав, явно допуская преувеличения, утверждали: нынешнее состояние английских финансов и торговли с Европейским континентом плачевно; Южная Америка не может компенсировать всех потерь британского экспорта; англичане не выдерживают прекращения прямых торговых связей с США (сейчас они за хлопок платят в 3 раза дороже, чем до эмбарго). Поэтому, считал Эппс, надо сохранять существующие ограничения на торговлю с Британскими островами и расширять контакты с испанскими колониями. Американский экспорт можно защитить, вооружая купеческие суда и конвоируя их силами военно-морского флота⁵⁶. И если Эппс лишь допускал вероятность войны с Англией (хотя А. Я. Дашков и расценил его речь как вызов англичанам⁵⁷), то Г. Клей, недавно занявший место в сенате, 22 февраля 1810 г. открыто призвал к оружию.

Этот юрист из Кентукки, ведущий дела купцов, богатых плантаторов и земельных спекулянтов и сам занимавшийся куплей-продажей участков, быстро превратился в крупного домовладельца и земельного собственника в своем штате, а вместе с тем и в заметную политическую фигуру на Западе. Еще в 1808 г. Клей

⁵³ Ibid., p. 276—277.

⁵⁴ *Cilpatrick D. H. Jeffersonian Democracy in North Carolina, 1789—1816. N. Y., 1967, p. 182.*

⁵⁵ *Dodd W. E. The Life of Nataniel Macon. N. Y., 1970, p. 255—256.*

⁵⁶ AC, 11th Congress, 2nd Session, p. 1452—1454, 1784—1785, 1890.

⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. 907 (А. Я. Дашков), оп. 1, д. 57, л. 5.

выступил как энергичный и не останавливавшийся даже перед крайними мерами защитник интересов прежде всего рабовладельческой прослойки. В сенате он заявил: хотя билль содержит элементы протеста США против агрессии воюющих держав, но они проглядываются весьма слабо. Билль касается торговых интересов, а вопрос надо ставить шире. Внесенные поправки вообще обрекают американскую внешнюю политику на безволие и покорность. Оратор призвал покарать в первую очередь Англию за ее «особо тяжкие оскорбления» и внес свои поправки к биллю Мэкона; либо отказ США от импорта английских товаров, либо вооружение американских купеческих судов с придачей им конвоев. Если первая мера не заставит Лондон пойти на переговоры, вторая будет означать войну, со стороны США оборонительную и справедливую⁵⁸. Сенат 20 голосами против 13 отклонил предложение Клея.

Бесспорно, однако, что речь представителя Кентукки отразила возросшее смятение плантаторов из-за падения экспорта сельскохозяйственной продукции, их недовольство политикой компромисса с Англией, сужавшей их возможности выхода на внешние рынки. Именно в это время ричмондская газета «Инкуайер» и филаделфийская «Орора» шумно требовали активных военных приготовлений, вооружения американских торговых судов и т. д.⁵⁹ Тогда же теннесси́йский плантатор и командующий милицией штата Э. Джексон с присущей ему прямоотой обрушился на «косных» столичных законодателей, в их числе на «старых республиканских друзей», которые «утратили свои обычно здравые суждения и даже свои политические принципы» настолько, что обрекают страну на бездействие⁶⁰.

Речь Клея выделялась и еще в одном плане. Впервые после окончания войны за независимость с национальной трибуны прозвучал откровенный призыв к оружию, к возрождению «духа 76-го года». Не многочисленные угрозы в адрес Лондона, часто раздававшиеся в американской столице, а ясный призыв к войне. Далее. Территориальную экспансию и развитие торговли США (прежде всего с южными соседями) Клей открыто связал с захватом главной и в то же время уязвимой опоры Англии в Новом Свете — Канады.

В конгрессе эта речь тогда не получила широкой поддержки. Вероятно, именно ее подразумевал американский историк У. Додд, когда говорил о «сумасбродных фанатиках», ввергших законодателей в растерянность и, по замечанию другого исследователя, М. Фрибург, настороживших равно федералистов и таких сторон-

⁵⁸ The Papers of Henry Clay: Vol. 1—5 / Ed. by J. F. Hopkins. Lexington, 1959—1973, vol. 1, p. 449—452.

⁵⁹ Risjord N. K. 1812: Conservatives, War Hawks and the National Honor.— In: The Critical Years: American Foreign Policy, 1793—1823 / Ed. by P. C. T. White. N. Y., 1970, p. 93.

⁶⁰ Correspondence of Andrew Jackson: Vol. 1—6 / Ed. by J. S. Bassett. Wash., 1926—1933, vol. 1, p. 201.

ников умеренного курса в республиканской партии, как Рэндолф и Мэкон⁶¹. Но в речи Клея уже обозначалась та линия, которой вскоре будет суждено определять всю американскую внешнюю политику — политику «военных ястребов».

Между тем большинство конгрессменов все же склонялось к отмене акта о прекращении торговых отношений. Представители правящей партии заявляли: сохранение этого акта ведет к понижению закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, толкает к расширению контрабанды, бороться с которой у администрации почти нет сил. В приморских городах можно легко обнаружить нелегально завезенные английские товары. Их дешевизна подрывает развитие национальных мануфактур. Федералисты особенно подчеркивали: «честные» судовладельцы удручены недогрузкой своих кораблей, а таможи — вялым притоком доходов. Акт совсем не действует на Лондон. Англичане получили доступ к южноамериканским колониальным продуктам, перевоза их в Европу исключительно на собственных судах. Посредническая торговля США утратила былое значение⁶².

7 апреля 1810 г. Мэкон внес новый законопроект: США снимают запрет на торговлю с Англией и Францией до завершения работы 11-го конгресса (3 марта 1811 г.), к этому сроку державы должны отменить свои дискриминационные акты. Если одна из них сделает это, а другая не поступит аналогичным образом еще в течение трех месяцев, США закроют свои порты для последней⁶³. Обе палаты конгресса бурно обсуждали предложение Мэкона, и наконец 1 мая 1810 г. оно получило силу закона.

Дебаты в Капитолии ясно показали, что за малым исключением политические соперники были едины в выражении недовольства существующим положением, но долго спорили о том, каким содержанием наполнить будущий внешнеполитический курс. Если федералисты традиционно выступали за снятие всяких ограничений на американскую торговлю, то сторонники администрации, рискуя утратить ореол «борцов за национальное достоинство», просто согласиться с этим не смели. Боялись они проявить и твердость, которая могла бы напомнить о воскрешении джефферсоновских времен, когда проводились опасные, с точки зрения группы Дж. Рэндолфа — С. Смита, эксперименты в области социально-экономических отношений, или же означать поддержку идущему с Запада не менее опасному воинственному кличу. Не случайно вопрос об отмене непопулярного акта обсуждался конгрессменами почти пять месяцев.

В итоге, убедившись в неговорчивости европейских держав и в очень медленном восстановлении торговых позиций США на мировом рынке, Вашингтон принятием билля Мэкона сделал еще

⁶¹ *Dodd W. E. Op. cit., p. 256; Fribourg M. C. The U. S. Congress. Men Who Steered Its Course, 1787—1867. Philadelphia, 1972, p. 117.*

⁶² *AC, 11th Congress, 2nd Session, p. 1635—1638, 1648, 1674, 1906.*

⁶³ *Documents of American History. 2nd ed. / Ed. by H. S. Commager. N. Y., 1940, p. 204.*

один шаг к отступлению и по сути дела прекратил начатую весной 1806 г. политику «экономического принуждения». По утверждению современников, Мэкон не являлся подлинным автором законопроекта. Согласно одним, идею билля сформулировал Дж. Тейлор, входивший в группу Рэндолфа — Смита, по другим — мысль подал сам президент⁶⁴. Однако важно подчеркнуть, что новый акт был весь пропитан духом умеренности и компромисса и отражал внешнеполитическую программу, с которой умеренные республиканцы выступали во время избирательной кампании 1808 г. Мэдисон не забыл их возражений против выдвижения его кандидатом на пост президента. Билль Мэкона, таким образом, зафиксировал сближение Мэдисона с этой группой в лагере республиканцев. Не ослаблял ли он межпартийную и фракционную борьбу внутри страны? Содействовал ли укреплению международного престижа США?

Никто в конгрессе не мог гарантировать, что Англия и Франция посчитаются с новым торговым актом США. Преобладал даже скепсис. Допустим, Наполеон отменит гонения на американскую торговлю, но оживится ли она, если британские корабли все еще господствуют в океане.

В сложившейся ситуации знаменательным было другое. Предполагаемая торговая политика вызвала на Западе откровенное недовольство. Апеллируя к оружию, Клей фактически осудил полумеры — и это не было его личным мнением или непременным для первой речи желанием произвести впечатление на слушателей, а свидетельством того факта, что в западных штатах укреплялись политические силы, которые отошли от безоговорочной поддержки правительства. Далее. Известно высказывание государственного секретаря Смита о билле: «унизителен и несовместим с национальной честью США»⁶⁵. Правда, мэрилендец руководствовался, как мы знаем, соображениями личного и престижного характера — вот уже почти 10 лет его третировал и презирал Галлатин, якобы и Мэдисона настраивавший на подобный лад. Через год об этом Смит открыто расскажет в «Обращении к народу США», после того как президент, используя новую политическую обстановку в стране, даст ему отставку.

Но какими бы ни были побудительные мотивы, ясно одно: республиканской партии не доставало единства. Все это, понятно, сковывало инициативу разъедаемого внутренними раздорами правительства. И если учесть постоянные выпады федералистов, то можно понять неуверенность Мэдисона в успешном сотрудничестве с конгрессом, который, распавшись на различные группы и клики, являл собой собрание людей, растерянных и, как писал Дж. Бейард, «не способных к действию»⁶⁶. Билль как бы пара-

⁶⁴ Robert Smith's Address..., p. 9; *Clauder A. C. Op. cit.*, p. 183; *Brant I. Op. cit.*, p. 429.

⁶⁵ Robert Smith's Address..., p. 8.

⁶⁶ Papers of James A. Bayard, 1796—1815 / Ed. by E. Donnan. — The Annual Report of the American Historical Association for the Year 1913. Wash. 1915, vol. 2, p. 179.

лизировал европейскую политику США. Она могла лишь дрейфовать. Американцы, доносил Ф. П. Пален, «идут ощупью, ждут новостей из Франции и Англии, чтобы следовать по тому или иному пути, надеясь на счастливые события и добрый гений»⁶⁷. И если, наконец, принять во внимание, что после Ваграма, Талаверы и Валхерена в Европе установилось некоторое военное затишье, то, действительно, Соединенным Штатам приходилось уповать только на чудо.

Английские тори встретили известие о новом акте конгресса со злорадством. Они еще больше укрепились в мысли о необходимости строгого применения «указов в Совете» по отношению к заокеанской республике и настроились на продолжение подобного курса. В начале сентября 1810 г. Ф. П. Пален докладывал канцлеру Н. П. Румянцеву: «Только что в Нью-Йорк прибыл английский фрегат, на борту которого находится Морьер — английский поверенный в делах. Но тот не имеет никаких полномочий своего правительства на ведение переговоров с США. С момента возвращения Джексона (готовившегося в Нью-Йорке к отъезду. — В. Я.) Сент-Джеймский кабинет не думает более посылать сюда посредника и только лишь в Лондоне хочет вести переговоры с американским правительством, если последнее намерено сделать новые предложения на сей счет. Из очень хороших источников я знаю, что именно Джексону поручено дать Морьеру необходимые инструкции... которыми тот должен руководствоваться... Можно смело предположить — эти инструкции не будут примирительными»⁶⁸.

Российский посланник, видимо, и в самом деле располагал достоверной информацией. Ее правдивость косвенно подтверждалась письмом «Фрэнсиса Копенгагенского» брату, где он восторженно сообщал, что «конгресс довершил мой триумф, упразднив безо всякой уступки с нашей стороны известный акт о прекращении отношений... за отмену которого Эрскин в прошлом году соглашался пожертвовать нашими указами в Совете. Они (американцы. — В. Я.) покрыли себя позором и насмешками»⁶⁹. Дж. Каннинг оценивал новый акт США гораздо серьезнее и шире. Ему даже казалось, что Вашингтон, открывая свои порты для английской торговли, фактически объявлял войну Франции⁷⁰.

Одновременно тори постарались использовать акт конгресса и в интересах борьбы с вигской оппозицией, постоянно добивавшейся нормализации отношений с заокеанской республикой. В данной связи стоит упомянуть о появлении в Лондоне памфлета с характерным названием «Патриоты и виги — самые опасные враги государства». Анонимный автор рассуждал: при нынешнем министерстве Британия «может гордиться своей благородной помощью Испании и Португалии, своими указами в Совете и своим твер-

⁶⁷ АВПР, Ф. Канцелярия, 1810 г., д. 12163, л. 57.

⁶⁸ Там же, л. 56.

⁶⁹ Цит. по: Carr A. Z. Op. cit., p. 279.

⁷⁰ Ibid.

дым и пока еще сдержанным ведением дел с грубыми и пахальными американцами». Но что ожидало бы Англию, будь у власти наследники Фокса? «Новые синекеры и беззаботность! Позорное оставление испанцев на произвол судьбы! Любая уступка в том, что пожелает Америка! И после всех этих предварительных шагов мы запросим у Бонапарта мира, показывая ему, что для нас война становится совершенно паивным делом!»⁷¹ Идея памфлета была весьма проста: нападки вигов на внешнюю политику торп по меньшей мере неуместны. Нет смысла ее менять, пока она дает благоприятные результаты.

Если в вопросах, которые надо было решать с Лондоном и Парижем, США обнаружили беспомощность и зыбкую веру в «добрый гений», то в латиноамериканской политике они «отличились» агрессивными действиями, прибегая к шантажу и демагогии.

Как уже отмечалось, в связи со вступлением французских войск на Пиренейский полуостров в испанских колониях в Америке создавалась благоприятная обстановка для освободительного движения. Однако, помимо внешних факторов, борьба за независимость порождалась внутренними процессами, и прежде всего кризисом колониального господства, которые тормозили развитие производительных сил в Латинской Америке. (Это находило выражение в сохранении феодальной системы землепользования, расширении эксплуатации труда рабов и отчуждении индейских земель, в удержании метрополией исключительного права на ведение торговли и в стремлении путем разорительных пошлин и налогов не допустить роста конкурирующих мануфактур и ремесел⁷².)

В начале 1809 г., предчувствуя назревание политического взрыва в заокеанских владениях, патриотическая Центральная хунта объявила их не колониями, а «существенной и нераздельной частью испанской монархии» с правом послать 12 представителей в самую хунту. Но старые колониальные порядки и административное управление оставались в прежнем виде. Это, понятно, не могло привести к успокоению. И несмотря на то что в мае 1810 г. Регентский совет, заменивший самораспустившуюся Центральную хунту, ввел в колониях свободу торговли, движение за независимость сдержать уже было невозможно⁷³. Еще в мае — августе 1809 г. вспыхнули восстания в ряде городов, а в 1810 г. движение за независимость охватило почти все колонии в Новом

⁷¹ The Patriots and the Whigs, The Most Dangerous Enemies of the State. L., 1810, p. 41.

⁷² Подробнее см.: *Ермолаев В. И.* Некоторые вопросы освободительной борьбы американских колоний Испании и Португалии. — Новая и новейшая история, 1960, № 3, с. 23; *Губер А. А., Лавров Н. М.* К 150-летию войны за независимость Латинской Америки. — Там же, № 4, с. 12—14; *Штрахов А. И.* Освободительная борьба народа Ла-Платы в 1810—1816 гг. — Там же, с. 21; *Альперович М. С.* Война за независимость Мексики (1810—1824). М., 1964, с. 99—113.

⁷³ *Майский И. М.* Указ. соч., с. 97.

Свете. Старая администрация была низложена, власть перешла к местным хунтам, возглавляемым креольской верхушкой.

В буржуазной исторической литературе США широко распространено утверждение, будто официальный Вашингтон, испытывая священную ненависть ко всякого рода деспотии, восторженно отнесся к борьбе южноамериканцев против колониального ига⁷⁴. В подкрепление того цитируется инструкция госдепартамента своему агенту в Буэнос-Айресе Дж. Пойнсету от 28 июня 1810 г., в которой США провозглашали «искреннюю доброжелательность к народу Латинской Америки» и намерение наладить с ним «самые дружественные отношения» в случае, если тот установит «независимую систему национального управления»⁷⁵. В приведенном тексте, без сомнения, — игра на революционных чувствах простого люда как в самих США, так и в испанских колониях, спекуляция теориями народного суверенитета и естественных прав человека. Такая декларация принципов латиноамериканской политики США подвергнута справедливой критике в работах советских и прогрессивных зарубежных исследователей. «Существо политики Вашингтона, — писал Н. Н. Болховитинов, — определялось не какими-то альтруистическими побуждениями и бескорыстным сочувствием борьбе восставших колоний за независимость, а вполне реальными интересами североамериканских правящих классов»⁷⁶.

И в самом деле, тогда как возможности торговли США с Европой не выглядели радужными, Южная Америка в условиях экономической и политической неразберихи, вызванной революцией, представлялась экспортерам США первостепенным, самым выгодным и наиболее перспективным рынкам сбыта. (Весной 1810 г. бостонские купцы, например, собрали 80 тыс. ярдов хлопчатобумажной ткани для отправки на южноамериканский рынок⁷⁷.) Учитывались его географическая близость, традиционная нужда латиноамериканцев в продовольствии и лесоматериалах, отсутствие у них собственных верфей и торгового флота, готовность платить за товары и фрахт серебром и золотом. Вынашивалась даже мысль, что потребность «южных собратьев» в промышленных изделиях стимулирует развитие мануфактур внут-

⁷⁴ *Griffin Ch. C. The United States and the Disruption of the Spanish Empire, 1810—1812. N. Y., 1937, p. 16, 49; Whitaker A. P. The United States and the Independence of Latin America, 1800—1830. N. Y., 1962, p. 66.*

⁷⁵ *British and Foreign State Papers, 1812—1814: Vol. 1, 2. L., 1841, vol. 1, pt 2, p. 1219.*

⁷⁶ *Болховитинов Н. Н. К вопросу о позиции США в войне Латинской Америки за независимость. — В кн.: Война за независимость в Латинской Америке (1810—1826). М., 1964, с. 205. См. также: Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка, XIX век: (История экспансии США). М., 1974, с. 32—33.*

⁷⁷ *The Weekly Register, 1812, Mar., vol. 2, N 30, p. 71; Walton W. An Expose on the Dissentions of Spanish America. L., 1814, p. 431; Chandler Ch. L. United States Commerce with Latin America at the Promulgation of the Monroe Doctrine. — The Quarterly Journal of Economics, 1924, vol. 88, N 3, p. 469.*

ри США, и последние со временем могут-де сыграть в Новом Свете такую же роль, какую в Старом играют Англия и Франция⁷⁸. Подобный характер торговых отношений — нетрудно догадаться — привел бы к постепенному захвату Соединенными Штатами контроля над южноамериканским производством и вытеснению европейских соперников из этого сказочно богатого региона.

Кроме притязаний на монопольную торговлю с Латинской Америкой, правящие круги США стремились захватить и ряд соседних территорий. Североамериканских экспансионистов они привлекали давно. Но теперь, в 1810 г., когда Испанская империя начала разваливаться, присоединение Вест-Индии, Кубы, обеих Флорид и обширных пространств Мексики казалось делом ближайшего будущего⁷⁹. «...Если всемогущему создателю мира было угодно основать вест-индские острова вплотную к США, — заявлял в начале 1811 г. конгрессмен-теннессиец Дж. Ри, — я не стал бы возражать против их допуска в Союз на правах штатов, коль того захочет народ»⁸⁰. Правда, материализовать этот «допуск» надо было исключительно вооруженным путем, так как Англия уже овладела Вест-Индией. А для проведения столь решительной акции США достаточными силами не располагали. Иное дело — Куба, Флориды и Мексика, где колониальная администрация еще удерживала власть (восстание в Мексике начнется лишь осенью 1810 г.). На эти колонии в первую очередь и нацелились североамериканские «друзья свободы».

Захват указанных территорий позволил бы правительству Мэдисона не только удовлетворить интересы рабовладельцев-плантаторов и земельных спекулянтов южных и западных штатов, не только контролировать положение в Мексиканском заливе, но и, ослабив вследствие этого значение британских перевалочных баз в Карибском море, ускорить торговое и политическое проникновение США в Южную Америку.

Экспансионистские замыслы отразились и на характере отношения правительства США к латиноамериканским хунтам. Несмотря на официальные заверения госдепартамента о желании установить с ними дружественные связи, его акции не помогали развитию освободительного движения и зачастую были обращены против него. Главным образом они проводились в угоду плантаторам-рабовладельцам США, о чем свидетельствовал отказ Белого дома поддерживать контакты с теми группировками в Испанской Америке, которые борьбу за независимость сопровождали попытками радикального изменения социально-экономической структуры общества.

Так, когда осенью 1810 г. в Мексике началось народное восстание и его руководитель М. Идальго, учитывая требования широ-

⁷⁸ ASP, Class 3. Finance, vol. 2, p. 674—678; *Bornholdt L.* Baltimore and Early Pan-Americanism. Northampton, 1949, p. 29.

⁷⁹ Об экспансионистских планах США подробнее см.: *Альперович М. С.* Указ. соч., с. 217—222.

⁸⁰ AC, 11th Congress, 3rd Session, p. 500.

ких слоев населения, издал декреты об отмене феодальных повинностей, торговых монополий, рабства и о возвращении индейским общинам «арендованных» у них земель, то это вызвало на Потомаке болезненную реакцию⁸¹. Другой пример: агент США в Гаване У. Шейлер уклонился от встреч с представителями революционной группы (в ее состав входили и негры), стремившейся к изгнанию испанских колонизаторов с Кубы и ликвидации рабства. Эмиссары этой группы, приехав в США с надеждой установить контакты, не сумели добиться приема в Белом доме, их планы не обсуждались на заседаниях кабинета⁸². Уместно подчеркнуть также, что одной из причин непризнания Вашингтонской Временной хунты в Каракасе явилось ее намерение освободить рабов⁸³.

Становится несомненным, что, пожелай США установить дипломатические отношения с отколовшимися от метрополии политическими силами Латинской Америки, окажи им помощь оружием и снаряжением, в которых те так остро нуждались, движение за независимость в данном регионе значительно ускорилося бы и его население не понесло бы столь тяжелых потерь. Совершенно справедливо утверждение советского историка М. С. Альперовича, что, отказываясь от сближения с революционными группами, выступавшими с аболиционистскими программами, правительство Мэдисона надеялось оградить рабовладение у себя в стране от опасных внешних веяний⁸⁴; тем более что в 1809—1810 гг. были отмечены вспышки негритянских восстаний в Луизиане, Кентукки, Теннесси, Виргинии, Джорджии и Северной Каролине.

На Капитолийском холме часто слышались бурные возражения представителей южных и западных штатов против завоза в США невольников из мятежных районов. Они, неистовствовал Дж. Рэндолф, «бездельники, бандиты и головорезы», способные только на смуту⁸⁵. И требовал строгого соблюдения акта о запрещении с 1 января 1808 г. ввоза рабов в страну. Между тем законодатели проявляли терпимость, когда дело касалось почти легального импорта «черного товара» из Африки. Да и правительство весьма робко напоминало о существовании всем известного закона. По существу получалось: из Африки ввозить рабов можно, а из испанских колоний в Америке — ни в коем случае.

Однако рабовладельцев США подстерегала неприятность другого рода. В 1807 г. английский парламент (в интересах расширения покупательной способности колоний, не без боязни негри-

⁸¹ Альперович М. С. Указ. соч., с. 167—168.

⁸² Фонер Ф. С. История Кубы и ее отношений с США, 1492—1845 гг.: (от завоевания Кубы до «эскалеры»). М., 1963, с. 160—161, 185.

⁸³ Davis D. B. The Problem of Slavery in the Age of Revolution, 1770—1823. Ithaca; London, 1975, p. 32.

⁸⁴ Альперович М. С. Указ. соч., с. 221—222.

⁸⁵ AC, 11th Congress, 3rd Session, p. 906, 991, 1009.

тянских восстаний и под давлением аболиционистов) принял закон об отмене африканской работорговли. Постановлением суда Адмиралтейства британскому флоту разрешалось захватывать идущие из Африки корабли с невольниками, в том числе и американские⁸⁶. Под нажимом Лондона Португальский двор в Бразилии также согласился ограничить работорговлю определенными географическими зонами с последующей ее ликвидацией⁸⁷. Надо ли говорить, какие чувства испытывали американские торговцы «черным товаром» и какую роль они сыграли в распространении англофобской пропаганды на Юге и Западе США.

Известно, что Вашингтон, замышляя аннексию испанских Флорид и Кубы, хотел заручиться поддержкой Франции. Ради этого в феврале 1806 г. США прекратили торговлю с Гаити, на который — даже после гибели армии Леклерка — французская буржуазия еще сохраняла претензии⁸⁸. (Конечно, сыграло свою роль и давление южных рабовладельцев.) А с переходом наполеоновской армии через Пиренеи Джефферсон совершенно был уверен, что теперь Париж согласится с территориальными притязаниями США⁸⁹. Ключ к испанским колониям находится у Наполеона — считали в американской столице. Исходя из данной посылки, Вашингтон отказывался принять верительные грамоты Л. де Ониса, направленного в США Центральной хунтой в качестве посланника. Одна из причин такого отношения к Онису — обсуждение конгрессом в январе 1810 г. вопроса о дипломатическом признании правительства Ж. Бонапарта⁹⁰.

Начало борьбы за независимость в большинстве испанских колоний побудило Вашингтон по-новому оценить степень влияния Франции на ход латиноамериканских событий. Война в Испании шла с переменным успехом, и по всему было видно, что Наполеон завяз там глубоко. Завуалированным признаком неспособности императора проводить активную политику в Новом Свете может служить его речь перед Законодательным корпусом 12 декабря 1809 г. «Если народ Мексики и Перу, — сказал он, — пожелает остаться объединенным с матерью-родиной или если он захочет подняться на высоту благородной независимости, то Франция никогда не помешает его желанию при условии, что этот народ не вступит ни в какие связи с Англией»⁹¹. Но успешное проникновение Англии на рынки Южной Америки было очевидным фактом. А Наполеон не мог ничего поделать. Это видели на Потомаке. И, конечно же, поняли, что, надеясь на Францию, многого не достигнешь. Последовали определенные шаги: послан-

⁸⁶ Robinson D. L. *Slavery in the Structure of American Politics, 1765—1820*. N. Y., 1917, p. 344.

⁸⁷ Davis D. B. *Op. cit.*, p. 33.

⁸⁸ Robinson D. L. *Op. cit.*, p. 370—377.

⁸⁹ The Works of Thomas Jefferson, vol. 11, p. 106—107.

⁹⁰ AC, 11th Congress, 1st Session, p. 1273.

⁹¹ Цит. по: Гонионский С. А. Территориальная экспансия США в начале XIX в. — Новая и новейшая история, 1958, № 5, с. 46.

ника в Мадрид не направлять, эмбарго на торговлю с Гаити отменить⁹².

Тогда же в Белом доме осознали, что Англия не останется безучастным наблюдателем происходивших перемен. Воспользовавшись ими, Лондон попытается расширить границы Британской колониальной империи и явится главным препятствием на пути осуществления территориальных притязаний США. В письме Мэдисону 17 сентября 1810 г. Галлатин рассматривал пребывание английских войск в Испании именно как стремление Лондона установить контроль над ее владениями за Атлантикой, особенно над Флоридой и Кубой. Проблема этих колоний, грозящая вырасти в новый клубок противоречий между США и Великобританией, требовала, по его утверждению, немедленного решения⁹³.

У министра финансов были основания для тревоги. Английская правящая верхушка, руководствуясь принципом легитимизма, вначале высказывалась в поддержку испанского колониального господства в Америке и считала всякое покушение на него «якобинским заговором». Первым агентам повстанцев в Лондоне было даже заявлено, что сохранение целостности Испанской империи наилучшим образом послужит делу борьбы с Наполеоном⁹⁴. Но реальный ход событий, заинтересованность в расширении торговой экспансии, нежелание делить с кем-либо — будь то Франция или США — политическое влияние в данном районе подталкивали Лондон к поддержке освободительного движения латиноамериканцев⁹⁵.

Газета Р. Йорка, пожалуй, наиболее полно раскрыла суть новой тактики Великобритании. Издатель не питал симпатий к патриотам Южной Америки и называл их «подобострастными подражателями североамериканских революционеров». И все же он был уверен, что «защита поднявшегося по ту сторону Атлантики духа независимости является для нас необходимым и благоразумным делом». Далее Йорк разъяснял: поддержка освободительной борьбы облегчит английским промышленным товарам доступ к новому обширному рынку, который с избытком возместит утрату рынка европейского; иными словами, сведет к нулю действенность наполеоновской континентальной блокады.

Йорк уделял особое внимание проблеме ослабления позиций США в Латинской Америке. Он считал, что Вашингтон окажет помощь борцам за независимость, постарается приобрести доминирующее влияние в этом районе и даже прибрать его к своим

⁹² Robinson D. L. Op. cit., p. 375.

⁹³ The Writings of Albert Gallatin, vol. 1, p. 490—491.

⁹⁴ The Correspondence of George, Prince of Wales: Vol. 1—8/Ed. by A. Aspinall. L., 1965—1971, vol. 7, p. 339; Rippey J. F. Rivalry of the United States and Great Britain over Latin America (1808—1830). Baltimore, 1929, p. 5.

⁹⁵ Bemis S. F. Early Diplomatic Missions from Buenos Aires to the United States, 1811—1824. Worcester, 1940, p. 48; Kaufmann W. W. British Policy and the Independence of Latin America, 1804—1828, New Haven, 1951 p. 50—54.

рукам. Если США добьются здесь преимущества перед Англией, то в конечном итоге, заключал Йорк, «надежды, которые мы возлагаем на отделение заатлантических провинций от метрополии, не оправдаются». Необходимо определить североамериканского соперника, действовать решительно, и тогда дружба с латиноамериканцами, «прочна сцементированная нашим признанием их независимости, выльется в постоянный политический союз»⁹⁶.

В Белом доме были прекрасно осведомлены о настроениях английской прессы и, несомненно, читали газету торийского издателя Йорка. Хотя в споре с вигской оппозицией он допускал такие суждения, на какие не всегда отваживались члены правительства, тем не менее откровенная заинтересованность и энергичная манера его высказываний лишь укрепляли опасения правящих кругов США в том, что именно Англия становится их главным и самым грозным соперником в Латинской Америке.

Сложившаяся ситуация и определила тактику США. Ради осуществления экспансионистских планов они не были склонны содействовать ликвидации испанского колониального режима. Поэтому Белый дом, с одной стороны, слал предостережения Лондону по поводу действий, которые могут нанести «ущерб торговле и безопасности Соединенных Штатов»⁹⁷, а с другой — отказывался предоставить помощь революционным хунтам. Госдепартамент, например, обязывал своих агентов в Буэнос-Айресе и Каракасе лишь присматриваться к происходившим там событиям, выяснять степень организованности вооруженных сил и финансовые ресурсы патриотов, изучать отношение населения к США и европейским державам и т. д., но дипломатического признания не обещать под тем предлогом, что Вашингтон-де не уверен в способности революционных провинций сохранить независимость⁹⁸.

Судя по протоколам конгресса США, в 1810—1812 гг. ни один законодатель не выступил за оказание реальной помощи борющимся латиноамериканцам. Единственным исключением было вотирование в мае 1812 г. 50 тыс. долл. на покупку продовольствия для жителей Каракаса, пострадавших от землетрясения. Частным порядком издавались революционные прокламации, которые направлялись повстанцам. Но к этому делу официальные власти отношения не имели⁹⁹.

Зато в 1810 г. государственные деятели США охотно установили контакты и нашли общий язык с кубинскими плантаторами, которые опасались, что ликвидация власти метрополии приведет к нежелательному, с их точки зрения, перераспределению собственности и кошмарной для них вероятности освобождения

⁹⁶ Mr. R. Yorke's Weekly Political Review, 1810, July, vol. 9, pt 2, N 1, p. 9—11; Aug., N 5, p. 89—90, 98, 147; 1811, Oct., vol. 11, N 15, p. 450.

⁹⁷ The Writings of James Madison: Vol. 1—9 / Ed. by G. Hunt. N. Y., 1900—1909, vol. 8, p. 121—122.

⁹⁸ British and Foreign State Papers, 1812—1814, vol. 1, pt 2, p. 1219—1221; Медина М. Указ. соч., с. 45.

⁹⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 9242, л. 54; The Papers of John C. Calhoun: Vol. 1, 2 / Ed. by R. Mariwether. Columbia, 1959, vol. 1, p. 100.

дения черных невольников. Им были хорошо известны принятые в ряде мест резолюции об отмене рабства и работорговли (недалеко от Кубы в Новый Орлеан). Поэтому они искали защиты у Вашингтона и согласились, подняв восстание и объявив о независимости острова, присоединиться к северным «братьям по духу». Но эти заговорщики требовали от США гарантии вооруженной поддержки в случае английского или испанского вторжения на Кубу. Однако те никакой гарантии дать не могли. Боязливые креольские плантаторы поспешили идею аннексии отклонить¹⁰⁰.

В отношении революционной Мексики американские экспансионисты использовали другую тактику. Претендуя на значительную часть ее земель (Техас), они все же были вынуждены учитывать позицию мексиканских борцов. Уже после гибели в начале 1811 г. радикально настроенного М. Идальго, с которым рабовладельцы США не хотели иметь дела, Вашингтон надеялся реализовать свои планы методом заигрывания и торга. Российский генеральный консул в Филадельфии Н. Я. Козлов доносил Н. П. Румянцеву о любопытном трюке Белого дома.

Речь идет о переговорах мексиканского эmissара Гутьерреса де Лары с представителями госдепартамента в конце 1811 — начале 1812 г. Ему было заявлено, что США помогут революционерам оружием, боеприпасами, да и войсками, но исключительно в обмен на принятие Мексикой их конституции и с неременной просьбой о вхождении в Союз, т. е. экспансионистские планы предполагалось осуществить под лозунгом помощи мексиканским революционерам. «Уполномоченный сей,— писал Н. Я. Козлов,— отверг с негодованием такое нелепое предложение и возвратился безо всякого успеха»¹⁰¹. Понять негодование Гутьерреса легко: для Мексики, с оружием в руках боровшейся за свое освобождение, навязываемая Соединенными Штатами помощь означала замену одного поработителя другим. Рассказанный Н. Я. Козловым случай обнаруживает всю фальшь уверений США в их бескорыстном сочувствии антиколониальной революции в Латинской Америке.

Иным образом — с откровенным вероломством — повел себя Вашингтон в отношении Западной Флориды. В американских официальных документах, сочинениях политических деятелей и буржуазных историков можно найти немало «доводов» в пользу «мирного характера» и «законности» перехода этого края под юрисдикцию США. Западная Флорида, сообщали они, составная часть территории Луизианы, купленной США в 1803 г. Ее присоединение — акт возмездия за прошлые испанские притеснения американской торговли в устье реки Миссисипи и мера, призванная помешать установлению здесь английского господства. К тому же данный край был плацдармом индейских набегов на амери-

¹⁰⁰ Фонер Ф. С. Указ. соч., с. 155—160.

¹⁰¹ АВПр, ф. Канцелярия, 1812 г., д. 9242, л. 54.

канский фронт, местом, где укрывались беглые черные невольники¹⁰². (Краткие замечания некоторых американских авторов о том, что захват Западной Флориды был пронизан «духом» наживы и экспансии, вряд ли надо считать типичными¹⁰³.)

Между тем в 1810 г. рабовладельцы-плантаторы и земельные спекулянты не скрывали: оккупация Западной Флориды, примыкавшей к границам США и славившейся плодородными почвами с удобным выходом к Мексиканскому заливу, дает им новые источники увеличения доходов. Занятие этого испанского владения будет делом несложным, поскольку Западная Флорида заселена преимущественно выходцами из пограничных территорий США, но охранялась небольшими отрядами полураздетых и полуголодных испанских солдат, не способных к боевым действиям¹⁰⁴. Удобный момент наступил!

И все же на Потомаке колебались: как объяснить европейским дипломатам и южноамериканским революционерам, что захват этого края не грабеж с большой дороги, но честный акт в национальных интересах США и ради мира к югу от их границ¹⁰⁵. Вскоре выход был найден. Одновременно с засылкой агентов (июнь 1810 г.), которым поручалось инспирировать местных жителей к антииспанским «революционным» выступлениям, по Вашингтону поползли слухи о якобы начавшихся в Западной Флориде беспорядках и неспособности колониальной администрации выполнить свои функции, о прибытии туда крупных воинских подразделений из Гаваны, о занятии английским десантом столицы провинции г. Пенсакола. Явно поддавшись тревожным слухам, Ф. П. Пален сообщал: «Есть все основания верить, что регентство Испании уступило Англии Флориду... полагают, что англичане займут также и Кубу»¹⁰⁶.

Очень скоро поступили известия: 23 сентября повстанцы, действовавшие в районе к западу от р. Перл, захватили г. Батон-Руж и через три дня, созвав конвент, провозгласили независимость этого района, а затем обратились к США с просьбой о вхождении в Союз¹⁰⁷. (В письме Э. Джексону один из таких «повстанцев» доносил, что «революционные силы» в составе 250 американцев под руководством генерала Ф. Томаса из Кентукки легко овладели указанным городом, убив одного офицера и нескольких испанских солдат¹⁰⁸.) 27 октября президент Мэдисон опубликовал прокламацию, в которой говорилось о согласии США взять

¹⁰² ASP, Class 1. Foreign Relations, vol. 3, p. 395—397; The Papers of Henry Clay, vol. 1, p. 508—516; Pratt J. W. Expansionists of 1812. N. Y., 1949, p. 60; Wright L. L. Anglo-Spanish Rivalry in North America, Athens, 1971, p. 170.

¹⁰³ Van Deusen G. G. The Life of Henry Clay. Boston, 1937, p. 58; Cox I. J. The American Intervention in West Florida.— The American Historical Review, 1912, vol. 17, N 2, p. 290.

¹⁰⁴ Correspondence of Andrew Jackson, vol. 1, p. 205; Brant I. Op. cit., p. 437.

¹⁰⁵ The Writings of Albert Gallatin, vol. 1, p. 487.

¹⁰⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1810 г., д. 12163, л. 89.

¹⁰⁷ Альперович М. С. Указ. соч., с. 218.

¹⁰⁸ Correspondence of Andrew Jackson, vol. 1, p. 204.

под контроль территорию Западной Флориды (от р. Миссисипи на восток до р. Пердида), а в декабре глава правительства приказал оккупировать ее¹⁰⁹.

Устраивая этот спектакль, Белый дом, конечно, надеялся создать впечатление, будто жители Западной Флориды по примеру повстанцев Южной Америки ведут освободительную борьбу и сами добиваются независимости. Ради сохранения своих революционных завоеваний они просят Вашингтон принять их в состав США. Последние не имеют морального права отказать просьбе о помощи, тем более что этого требуют интересы безопасности их южных границ.

Такая интерпретация событий в Западной Флориде была нужна Вашингтону для внешнеполитической информации. Но, видя, что внутри страны подобное толкование мало кого убедит (и надо ли настаивать на нем?), Мэдисон 5 декабря заявил конгрессу: да, он приказал занять часть Западной Флориды, поскольку вопрос о ней обсуждать с испанскими Бурбонами уже поздно (они низложены Наполеоном), у границ США возникла опасная обстановка¹¹⁰. В развернувшейся дискуссии последним доводом особенно часто оперировали представители западных районов США. Они требовали немедленной аннексии оккупированного края¹¹¹. Несмотря на протесты федералистов, обвинивших посланцев границы в намерении усилить свое политическое влияние, а правительство — усложнить международные отношения «насилованным захватом земель дружественной страны», обе палаты конгресса одобрили «законные и необходимые» действия президента и дали санкцию на временную оккупацию Восточной Флориды¹¹².

Указанные события воздействовали и на положение дел внутри республиканской партии. Экспансионистские круги Юга и Запада начали прославлять президента, якобы спасавшего нацию от нависших над ней бесчисленных невзгод. Г. Клей был в восторге, что президент «проявил энергию» в отношении Флориды¹¹³. Эти высказывания позволяют судить о том, что курс на территориальные захваты обеспечивал Мэдисону поддержку со стороны группировки, которая сильнее других в партии выражала недовольство его политикой лавирования и уступок. Конечно, аплодисменты экспансионистски настроенных ораторов еще не доказывали факта сплочения рядов республиканской партии вокруг президента. Но надо учесть, что летом 1810 г. начались промежуточные выборы в конгресс. Мнение республиканской фракции на Капитолийском холме было очень важным при объявлении кандидата на пост главы государства от правящей партии. Имея

¹⁰⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1810 г., д. 12163, л. 88; AC, 11th Congress, 3rd Session, p. 12.

¹¹⁰ AC, 11th Congress, 3rd Session, p. 12.

¹¹¹ Ibid., p. 449, 507; The Papers of Henry Clay, vol. 1, p. 516.

¹¹² AC, 11th Congress, 3rd Session, p. 376—378, 505—506; Brant I. Op. cit., p. 445.

¹¹³ The Papers of Henry Clay, vol. 1, p. 552.

репутацию «твердого» лидера, Мэдисон оказывался в более выгодных условиях, чем другие претенденты, ко времени следующей избирательной кампании.

Нетрудно представить, с каким раздражением оценил английский поверенный в делах в США Дж. Морьер все перечисленные акции Белого дома. Не дожидаясь инструкций Форин оффис, он передал Р. Смиту ноту с протестом (15 декабря) против политики Вашингтона в Западной Флориде и напомнил о тесном союзе между Великобританией и Испанией, ведущих борьбу с общим врагом — наполеоновской Францией. Морьер потребовал от Белого дома такого объяснения, которое могло бы убедить Лондон в миролюбивом отношении США к Испании¹¹⁴. Одновременно он направил командующему британской эскадрой в Карибском море адмиралу Раули письмо с предложением подтолкнуть губернатора Кубы послать войска в Пенсаколу. 12 и 24 января 1811 г. Морьер отправил министру иностранных дел маркизу Уэлсли пространные депеши, в которых изложил суть своих действий. Он полагал, что агрессивная политика США приведет их к войне с Испанией и Англия, понятно, выступит на стороне последней. Будет неизбежен захват Нового Орлеана, на американских поселенцев обрушится столько несчастий, что Запад посчитает за благо покинуть Союз¹¹⁵.

Британский поверенный, безусловно, нервничал. Не имея инструкций, он избрал жестко непримиримую линию, которой следовал до него посланник Ф. Джексон. Вероятно, в этом укреплял его и Л. де Онис, не признанный Вашингтоном представитель испанского Регентского совета. Настораживало Морьера и подчеркнутое безразличие французского посланника Тюрро к проблеме Западной Флориды. Не являлось ли это одобрением агрессии США, поощрением к будущим захватам?

Дальнейшее развитие событий показало, что американское правительство, несмотря на призывы к немедленной аннексии Западной Флориды, было вынуждено решать вопрос гораздо осмотрительнее. Не допускало ли оно возможности объединенных англо-испанских акций у своих границ? Чем иным можно объяснить тот факт, что реальная оккупация Западной Флориды затянулась до конца 1811 г. (приказ Мэдисона не вступать в соприкосновение с испанскими войсками нигде не нарушался¹¹⁶), а попытка захвата Восточной Флориды откладывалась до весны 1812 г.?

Вопросов много, и все они говорят об одном — появлении нового узла англо-американских противоречий.

Подводя итоги, можно признать, что 1809 год и первая половина 1810 г. не изобиловали решительными контрмерами и вспышками взаимных угроз, которыми были наполнены 1807 и 1808 годы. И это позволяет рассматривать данный временной отрезок в ка-

¹¹⁴ Instructions to the British Ministers, p. 319.

¹¹⁵ Rippi J. F. Op. cit., p. 35—37.

¹¹⁶ Robert Smith's Address, p. 30.

честве отдельного периода в общем курсе англо-американских отношений начала XIX в.

Анализ этих отношений после ухода Т. Джефферсона из Белого дома показывает, что отмена Соединенными Штатами эмбарго в целом не изменила курса британских торг, направленного на ликвидацию соперничества американского морского судоходства и на получение свободного доступа к рынку США. Тем не менее для английских промышленных товаров притягательность последнего несколько ослабела из-за возможности, открывшейся перед ними в связи с расширением контрабандных операций, торговли по лицензиям, относительной незащищенности рынков Португалии, Испании и Латинской Америки. Провокационное поведение английского посланника свидетельствовало о нежелании Лондона устранить разногласия с Вашингтоном. Подоплека акций Ф. Джексона — и в этом заключалось существо давней британской политики — активизировать оппозиционные правящему блоку федералистские силы, тяготевшие к сближению с Англией, втянуть США в состояние политической неустойчивости, что могло привести к падению правительства республиканцев и обеспечить условия для такого сближения.

Столкнувшись с утратой за период действия эмбарго былых позиций в сфере торгового мореплавания и не располагая реальной силой для их восстановления, надеясь предотвратить рост недовольства в рядах республиканцев и ослабить накал межпартийной борьбы в целом, правительство Мэдисона старалось разрешить внутренние разногласия и противоречия с Англией на компромиссной основе, а когда это не удалось — пошло на дальнейшие уступки Лондону. Поэтому требование политиков западных штатов применить оружие против Англии не получило поддержки федерального правительства.

Начало борьбы народов Латинской Америки за независимость способствовало возникновению, а в 1811—1812 гг. нарастанию нового клубка противоречий между Англией и США. Хотя оба государства и декларировали дружественное расположение к этой борьбе, но думали прежде всего о собственных интересах. Для буржуазии обеих стран южноамериканский рынок приобретал первостепенное значение, создавая впечатление наиболее перспективного. Неизбежность их столкновения вызывалась комплексом разнообразных фактов: со стороны США — расширением территориальных претензий и частичной их реализацией, появлением «рыночного голода», складыванием новой расстановки политических сил внутри страны; со стороны Англии — потребностью в новых внешних рынках и намерением установить монопольный контроль над политическими процессами в этом регионе.

Со времени образования федерального правительства, пожалуй, трудно найти другой пример, когда бы во внутренней политике достижения высшего магистрата США выглядели откровенно ничтожными, его авторитет таким низким, а его действия в отношениях с Англией и Францией столь анемичными и безынициативными, как это обнаружилось в первый год пребывания Мэдисона у власти.